

Полярная экспедиция как бизнес-проект...

УКРАИНЫ

Арктика и Антарктика, включая Северный и Южный полюсы, как объекты географических исследований принадлежат всему человечеству. Управление этими территориями через межправительственные организации – Арктический Совет и систему Договора об Антарктике – осуществляется почти на общественных демократических началах. Что нравится далеко не всем, ведь в недрах полярных регионов таятся неисчислимые запасы минеральных ресурсов, а в акваториях Южного океана, как и Северного ледовитого, в достаточном для промысла количестве имеются весьма ценные виды флоры и фауны. О наличии замороженной в айсбергах пресной воды знают, кажется, все. Ее запасы – воистину огромны.

Эти демилитаризованные и нейтрализованные полярные зоны, где распоряжаются государства – участники договоренностей, некоторые из прибрежных соседей мечтают, как торт, разделить на секторы. И намерений своих не скрывают. А пока у макушек планеты нет конкретных хозяев, любое государство через своих эмиссаров или комиссаров вправе проводить там научные изыскания, организовывать экскурсионные туры, любоваться красотами, снимать кино...

Национальный антарктический научный центр (НАНЦ) Государственного агентства по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины уже много лет подряд успешно выполняет функции гаранта жизнеобеспечения нашей единственной антарктической станции «Академик Вернадский» – организатора научно-исследовательских экспедиций и государственного оператора Украины в Антарктике. Любое действие наших граждан и предприятий всех форм собственности в этом самом отдаленном регионе земного шара должно быть согласовано с НАНЦ.

Делается это для безопасности, чтобы уберечь уникальный заповедник дикой природы от загрязнения, а также в целях охраны его природных ресурсов, неповторимой фауны и реликтовой флоры. На ледовом континенте и окрестных островах каждый камень хранит следы событий, происходивших на Земле многие миллионы лет на-

зад, а выросший на его поверхности мох свидетельствует о невероятной жизнеспособности растительного мира, проявляющейся в значительном диапазоне температур.

Случайно затоптав крохотный участок зеленого мха, цветного лишайника – колобантуса или антарктического злака – дешампсии, вы рискуете прервать бесконечный процесс эволюции, который соединяет доисторические леса Антарктиды с ледовыми массивами, соскабливающими с шельфа диатомовые водоросли, которые вырабатывают огромное количество кислорода.

Не менее опасно и внесение в почву, занимающую всего один (!) процент площади континента, чужеродных растений. Как утверждают специалисты из ЮАР, ежегодно на обуви и одежде туристов, с грузами и амуницией ученых в Антарктиду заносятся около 70 тысяч различных семян...

А уж об угрозах для поморников, пингвинов, морских леопардов, тюленей и китов говорить не приходится. К ним даже не рекомендуется приближаться. Хотя некоторые из перечисленных «зверушек» сами не прочь закусить зазевавшимся исследователем прибрежных вод...

Тем не менее, антарктический туризм приобретает в мире все большую популярность. Доходит до того, что нашествие желающих увидеть воочию царство льдов и пингвинов начинает создавать проблемы для полярных станций, отвлекая их персонал от основной работы.

Что делать в таких случаях? Как извлечь пользу из этого потока посетителей, жаждущих новых впечатлений и экстрима? Об этом уже начинают серьезно задумываться во многих странах, имеющих научные базы в Антарктике. Например, Аргентина, Россия, Чили, некоторые другие страны уже давно успешно организуют полярные туры, доставляя самолетами и ледоколами желающих погостить у пингвинов или белых медведей. А что думают на сей счет в Украине? И думают ли вообще?

На вопросы журнала отвечает знающий эти проблемы не понаслышке директор НАНЦ **В.А. ЛИТВИНОВ**, организатор и руководитель многих экспедиций к берегам ледового континента.

? – Валерий Аркадиевич, неужели нашествие туристов в Антарктику нельзя использовать «в мирных целях» и попытаться извлечь из этого пользу для ученых, которых наше государство в плане эффективного финансирования, скажем так, не балует? В прежних публикациях о НАНЦ в периодике эта тема всегда звучала основным лейтмотивом. Антарктическое лето начинается в декабре, а бюджет у нас принимается в феврале. Деньги на экспедицию вы получаете в марте, когда она уже давно должна уйти. Что-то изменилось в этой ситуации?

– Да, изменилось. Мы накопили огромный опыт подготовки и проведения антарктических экспедиций. Немало позаимствовали у наших зарубежных коллег и стали значительно экономнее. А денег всегда мало. Раньше мы получали 5 миллионов гривен на все наши расходы, а теперь – значительно больше, но все равно не хватает. Мы не имеем достаточно средств, чтобы зафрахтовать судно, которым можем распоряжаться по мере надобности, не можем купить современную научную аппаратуру, способную заметно повысить уровень наших исследований. И, к сожалению, собственных научных судов, морских и воздушных, наши ученые тоже не имеют. Кроме того, нам пришлось сократить количество зимовщиков на станции, значительно ужать состав сезонных экспедиций. Это, естественно, также ограничивает возможности наших исследователей. Часто мы вынуждены жить в долг. И хорошо, что еще находятся люди, верные наши партнеры за рубежом, которые нас знают, доверяют нам и, в конечном счете, выручают. Потому что в на-

шем отечестве получить кредит государственному предприятию очень не просто, а бюджетной организации тем паче.

? – Однако, несмотря на все эти трудности, Вы уже не пытаетесь заполучить новое судно, не жалуетесь на задержки финансирования, не сожалеете о сокращении числа зимовщиков и сезонных исследователей. Означает ли это, что деятельность НАНЦ стабилизировалась и менеджмент центра обеспечивает решение всех задач?

– Тут есть несколько моментов, на которых хотел бы остановиться.

Первое. Розы в кредит, как и наука, удовольствие не большое. Но мы вынуждены искать способы решения наших проблем, чтобы выжить. Самое обидное, что мы часто не можем продолжать наши партнерские отношения с учеными других стран. Обеспечить своих исследователей необходимой техникой, программными средствами, оплатить их участие в зарубежных конференциях, важных для дела совещаниях, международных симпозиумах и так далее нам всегда очень непросто. А личное общение для людей науки чрезвычайно важно. Оно приносит конкретные плоды в виде совместных исследований, новых перспективных проектов, расширяет возможности их реализации, позволяет находить интересные вещи на стыках наук. Таким образом, жизнь заставила нас четко определять приоритеты. И поддерживать те работы, которые имеют перспективу.

Второе. В последнее время у нас нарабатаны буквально

прорывные проекты, которыми мы бы хотели привлечь внимание инвесторов, меценатов, спонсоров. Но пресса нам в этом деле не помогает, а скорее наоборот. Ведь, кроме сенсаций, скандалов и экстрима, ее ничего больше не интересует. Планы спутникового мониторинга Антарктики мы начинаем реализовать совместно с Государственным космическим агентством Украины. С Национальным техническим университетом «Киевский политехнический институт» мы уже осуществляем модернизацию нашей станции, создаем собственную базу антарктических данных. Вместе с Харьковским национальным университетом имени Каразина мы ведем исследования подводного мира Антарктики в районе Аргентинских островов. Есть у нас перспективный инновационный задел с биологами Национального университета имени Шевченко, с Национальной авиационной академией, но все это требует дополнительных средств. Бюджет державы пока обременен другими заботами и нам приходится искать помощь на стороне.

Это при том, что мы концентрируем в своих руках нити использования новых технологий, которые могут быть инструментом для решения целого ряда задач технического, природоохранного, экономического, социального характера и других. Их с удовольствием «возьмут на вооружение» медики, фармацевты, косметологи, специалисты других областей практической деятельности.

И, наконец, третий момент. По счету, но не по важности. В Государственной целевой научно-технической программе исследований Украины в Антарктике на 2011–2020 годы заложена строка, которая называется «внебюджетное фи-

нансирование»... Только вот меценатов, инвесторов, желающих поддержать отечественную науку, пока не видно. И особенно туго с проектами, в которые для начала требуется что-то вложить. Как, например, космические, геологические, биологические, океанологические, подводные исследования, где у нас есть немало перспективных наработок, способных дать экономический эффект в совсем недалеком будущем.

? – История свидетельствует, что большинство знаменитых исследователей всегда обращались к деловым кругам – промышленникам, торговцам, банкирам за финансовой и материальной помощью, начиная с Амундсена, Скотта, Седова и заканчивая другими, менее известными, землепроходцами и мореплавателями. Это было обычной практикой у всех народов и во все времена. А вы почему стесняетесь?

– Отнюдь! Мы тоже имеем такой опыт. И, надо сказать, достаточно успешный. В свое время, когда готовилась первая украинская антарктическая экспедиция, такой клич о поддержке был брошен. И был результат. Добровольные жертвователи фурами привозили продовольствие и необходимые материалы для зимовщиков с разных концов страны. При отправке нашей 5-й УАЭ мы также получили некоторую поддержку предприятий и отдельных граждан-меценатов. Но с годами все изменилось. Сейчас все, кто занят делом, ищут «быстрые деньги». Пришел, увидел, прокрутил...

А в науке так не получается. Наши «скоробогатки», ►►

похоже, думают, как бы побольше набить мощну да быстрее сбежать подальше. Они не желают оставлять в наследство потомкам школы, больницы, музеи, на которых и через столетия

можно было бы прочесть, что построены они на средства такого-то и такого-то добродетеля. Как, скажем, музей семьи Ханенко в Киеве или замечательный храм в селе Пархомовка в Киевской области с мозаикой, сделанной по эскизам Рериха. Построен он, кстати, на средства инженера путей сообщения Голубева по его завещанию.

Правда, должен сказать, что и на нашей станции не так давно появилась часовня, которую построили при помощи спонсора – основателя фонда «Участие» – Михайлова.

– На российской антарктической станции «Беллингаузен» таким же образом построили прекрасную деревянную церковь. Но строительство культовых сооружений, наверное, является некоторым исключением из правил. Тут, возможно, присутствует и некий элемент заинтересованности в искуплении грехов, покаянии. А когда жертвуются деньги голодающим людям, на лечение больных, научную экспедицию, строительство школы или издание журнала для детей, тут мотивация несколько иная. Как Вы считаете?

– Полагаю, это – высший пилотаж человеческого духа. Мне кажется, одним из таких людей был Нансен, который мог и полярную экспедицию организовать, и голодных накормить, и беженцев поддержать.

В наши дни встреча с такими людьми – большая редкость. Но я продолжаю верить, что они есть. Был у нас опыт сотрудничества с предпринимателем, который взялся поддержать выпуск нашего научно-популярного журнала. Он помог издать первый номер, устроил отличную презентацию, изготовил сувениры, словом, помог основательно. А потом увлекся партийным строительством и свои средства направил в другую степь... Издание же наше оказалось в весьма пикантной ситуации. Хотя все равно мы ему благодарны и за эту помощь на старте.

На мой взгляд, это как раз тот случай, когда проект вполне мог окупиться и поддержкой читателей журнала, и рекламно-информационными акциями. То, что мы называ-

ем PR, общественные связи – это тоже многого стоит.

Если же говорить конкретно о науке и антарктических исследованиях, здесь все намного сложнее, но вовсе не безнадежно, как многие думают. Я уверен, что если бы наш-

шелся предприниматель, который помог бы приобрести или построить научно-исследовательское судно хорошего класса, оно бы себя окупило. Приведу пример. Наша экспедиция проходит раз в год и занимает в среднем три месяца. Это антарктическое лето. А в остальное время года судно может заниматься другой работой. Выполнять рейсы с туристами, ловить рыбу и криля, обслуживать, в конце концов, другие экспедиции в Арктике или на экваторе. Да сейчас и в Азово-Черноморском бассейне есть, чем заняться. Я уже не говорю о возможности снимать кино о пиратах, создании в океане искусственных островов, поисках подводных сокровищ, Атлантиды или НЛО...

– Но, все-таки, работа с туристами в Антарктике была бы лучшим вариантом фрахта подобного судна? Ведь интерес к полярным регионам растет буквально на глазах, при этом растет и стоимость туров. Или Вы не согласны?

– Могу сказать, что за сезон на нашей станции «Академик Вернадский» бывают десятки туристических судов, но украинских среди них нет. И до четырех – пяти тысяч человек посещают нашу станцию. Порой это просто мешает работать. Гостей, конечно, радушно встречают, уделяют им внимание, проводят экскурсии, удовлетворяют прочие их потребности. А потом за ними надо убирать, наводить порядок в местах общего пользования и т.д. Вроде – мелочь. Но если это делать несколько раз в день? А он в Антарктике летом очень длинный... И спрашивается в задаче: ради чего?

Однако есть и другая сторона медали. Например, наши российские коллеги уже ставят вопрос ребром: а нельзя ли с помощью организованного туризма найти дополнительное финансирование для ученых? Хотя у них этот наплыв гораздо меньше, чем у нас. Но тут нужен свой корабль, определенная инфраструктура, гиды, страховщики, изготовители сувенирной продукции, наконец, ее реализаторы. Ведь зимовщики и, тем более, исследователи-сезонники заниматься этим в ущерб своему делу не станут. Кто тогда этим займется? Тут, мне кажется, есть над чем задуматься. Хотелось бы такие соображения вынести на суд ваших читателей. А может, они и сами что-то предложат...

Мы открыты для общения, заходите на наш сайт, приходите в НАНЦ, предлагайте! Будем думать вместе.

Беседовал Владимир БОЧКАРЕВ,
руководитель группы по связям с общественностью и СМИ, заслуженный журналист Украины.

Фоторепортаж – Игорь Мороз,
главный инженер НАНЦ.

Материал подготовил Николай Степанов,
действительный член Географического общества СССР, Украины, Астрономо-геодезического общества СССР. ■